

Л.М. ДРОБИЖЕВА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С конца 80-х годов прошлого столетия востребованность обществом и властными структурами этносоциологических знаний стала очевидной. Причем это относилось не только к конкретным результатам исследований¹, но и ко многим теоретическим и методологическим подходам, которые использовались политиками и социальными акторами для ответов на этнонациональные вызовы.

После того, как расширились возможности научных дискуссий и международных контактов, стали меняться и сами методологические подходы. Для понимания и регулирования проблем, стимулировавших

Дробижева Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра этносоциологических исследований Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (495) 128–56–51. Электронная почта: leoka@isras.ru

Статья выполнена в рамках совместного российско-украинского проекта «Национально-гражданские идентичности и толерантность в России и Украине: сравнительный анализ», поддержанного РГНФ (грант № 05-03-91303а/Ук).

¹ В спорах Центра и регионов использовались данные этносоциологических исследований. Объясняя права русских в Эстонии, политики Центра приводили данные опросов — две трети русских были уроженцами республики [1]. Лидеры национальных движений использовали другие данные этого же исследования — 81% русских горожан удовлетворены жилищными условиями, а среди эстонцев не более трети. При анализе причин армяно-азербайджанского конфликта использовались данные о гетеростереотипах, полученные этносоциологами в ходе исследований 1980-х годов. На Всесоюзном съезде социологов национальные (как тогда говорили) проблемы были одними из центральных в обсуждениях.

этническую мобилизацию в нашей стране, исследователи пытались перенести на российскую почву некоторые методологические идеи из зарубежного или забытого отечественного опыта. В данной статье и пойдет речь о том, кто, какие идеи и во имя чего стремился развивать в российской этносоциологии, какие споры ведутся вокруг целесообразности использования конкретных методологических подходов.

За последние два десятилетия существенно расширилась проблематика этносоциологических исследований. Вот только основные их направления: социальные аспекты этноконфликтных и постконфликтных ситуаций, отношение социальных групп к этнополитическим инновациям периода принятия деклараций о суверенитетах республик и новых конституций, реакции на введение государственных языков в республиках и социальные последствия этих актов, влияние новых социальных иерархий на межэтнические отношения, в том числе проблема участия во власти людей разной этнической принадлежности; новые статусные роли взаимодействующих групп, этнический фактор в социальных перемещениях, социальные аспекты адаптации новых миграционных потоков (новая этничность), изменяющиеся социокультурные дистанции групп, наконец, формирование новых идентичностей и солидарностей, — прежде всего, изучение социальных и социально-политических факторов формирования российской идентичности; соотношение гражданской, региональной и этнической, а также амбивалентной и «дрейфующей» идентичностей, социальная обусловленность толерантности — интолерантности — в разных регионах страны. В соответствии с расширявшейся тематикой, естественно, вставали вопросы, связанные с пониманием предмета этносоциологии как направления социологического знания, используемых в ней методов.

На начальном этапе формирования этнической социологии в конце 1960-х годов ее определяли как пограничную научную дисциплину, изучающую социальные процессы в этническом разнообразии и этнические процессы с учетом социального [2, 3]. «Судьбы наций [тогда это был принятый термин для определения этнонаций. — Л.Д.] в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов, изменения общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов, т. е. явлений, выходящих за рамки традиционных этнографических интересов, — писал Ю.В. Арутюнян. — Это скорее проблемы социологические, но, со своей стороны, без этнографического анализа, и в первую очередь внимания к этнической множественности социальных явлений, они также не могут быть осмыслены» [4].

По проблемному полю, предмету исследований [5, с. 13], особенно расширившемуся за последние пятнадцать лет см. [6], этносоциология,

как и ряд других направлений социологии, междисциплинарна, она пересекается не только с этнологией, которую директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков считает во многом синонимом социально-культурной антропологии [7, с. 16], отличающейся от этнографии, но и с социальной психологией, с формирующимися этнополитологией, этноэкономикой. В социологии междисциплинарность присутствует чаще, чем в иных гуманитарных науках. Политическая социология граничит с политологией, государствоведением, политической психологией, социология семьи — с демографией, социальной психологией и т. д.

Институционализация этносоциологии как направления выразилась не только в создании университетских кафедр и специальных подразделений в академических институтах, но и в чтении специальных курсов в рамках общей социологии. Курс этносоциологии читается на социологических факультетах ряда российских университетов, в том числе в МГУ, Санкт-Петербургском университете, Государственном университете - Высшая школа экономики, Российском университете дружбы народов, Российском государственном гуманитарном университете, Московской высшей школе социальных и экономических наук и других вузах. В Центре социологического образования Института социологии РАН ежегодно проводятся специализированные курсы по этносоциологии для переподготовки преподавателей; в 2004 году в Федеральном центре переподготовки преподавателей социологии, организованном Национальным фондом подготовки кадров на базе Российского университета дружбы народов, совместно с Институтом социологии РАН проводилась сессия «Этносоциология». Частично тематика курса этнической социологии совпадает с курсом социальной антропологии.

В.А. Тишков считает, что этническая социология утвердилась «почти отдельной дисциплиной на стыке двух наук — этнологии и социологии» [7, с. 13]. Однако он полагает, что этносоциология — это изучение этничности методами социологии. С этим нельзя согласиться, потому что наряду с социологами и этнографы используют массовые этностатистические опросы (В.В. Пименов и др.), а этносоциологи применяют отнюдь не только опросные — интервьюирование и анкетирование, — но и гибкие (или как их иначе называют — качественные) методы: глубинные проблемно-ориентированные, полуструктурированные интервью, контент-анализ текстов, участвующее изучение социальных связей, в том числе включенные наблюдения. При этом включенным наблюдением в социологии называется не просто полевое наблюдение, как это может быть у этнографов, когда они, например, фиксируют систему отношений между мужчинами и женщинами, старшими и молодыми, ассортимент товаров на рынках и т. п. Включенным в социологии в строгом смысле слова считается

такое наблюдение, при котором исследователь вступает в сетевые отношения с социальными акторами на объекте изучения, например, работает в цехе, исследуя трудовые отношения, или на торговых точках вместе с мигрантами, изучая наличие этнической мотивации в производственных отношениях. Отличают этносоциологию от этнологии не столько методы [7, с. 13], сколько предмет и методология. Однако методология фактически во всех научных дисциплинах сейчас в значительной мере междисциплинарна.

В самом широком смысле *предмет этносоциологии включает социальные события, процессы, связи, явления, происходящие в этнически маркированном социальном пространстве*. Естественно, эта маркировка может меняться, исчезать, возобновляться, главное — понять, что стоит за этими изменениями в социокультурном пространстве². Предмет конкретизируется при изучении перечисленных в начале статьи тем.

По П. Бурдые, социальное пространство это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции...» [8, с. 185.]. П. Штомпка обращает внимание на то, что это не устойчивое состояние, а комплекс не останавливающихся процессов, понимаемых как поток событий [9]. Важное пояснение дает В. Ильин: «Социальное пространство — это силовое поле, создаваемое взаимодействующими индивидами и их практиками, но вместе с тем имеющее свое особое, системное качество, отсутствующее в самих индивидах (например государство, право)». В. Ильин относит к социальному пространству и обычаи, мораль [10, с. 26]. Они также могут быть в каких-то ситуациях этнически маркированы. В индивидах есть лишь элементы того или иного силового поля в виде усвоенных социальных ролей и ценностей. Социальными полями называют участки с относительно высоким уровнем взаимодействия индивидов. Таким образом, по В. Ильину, этнополе — это часть социального пространства. Для понимания его существенно то, что это пространство не имеет четких границ, оно открыто, и взаимообусловленность и функциональность в нем необязательны.

Надо признать, этносоциологи, работавшие в основном в сфере социальной практики, а именно так формировалось это направление в советский период с конца 1960-х годов, мало были озабочены обоснованием используемых концепций. Возможно, это связано со временем, когда, по сути, все работали в одной — марксистской — концепции, и декларирование этого факта заменяло потребность анализировать свою позицию, что стало необходимым в наши времена.

² Выделение социального и культурного пространства условно, в культурное пространство входит, естественно, не только мультиэтническое.

Сейчас, когда идут острые споры вокруг понимания этничности [5, 11-18 и др.] среди политологов, социальных философов, этнологов, социальных антропологов, этносоциологи четче позиционируют себя, в том числе и определяя предмет своих исследований.

Когда у В.А. Тишкова возникла инициатива перенести конструктивизм на почву этнологии в российской науке, мы с самого начала определили свою позицию. В 1993 году этносоциологи, работавшие над книгой «Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества», заявили, что и раньше «в силу самого предмета изучения... интуитивно понимали значимость конструктивистской концепции» [19]. Не случайно в первой же монографии 1972 года «Социальное и национальное», зафиксировавшей появление нового, этносоциологического направления, был выделен раздел о влиянии средств пропаганды на умонастроения людей (с. 302–310). Не случайно первые же встречи и обсуждения проблем этничности, национализма с Э. Геллнером в конце 1970-х — начале 1980-х годов на конференциях в Бургвартенштайне (Австрия), Таллине и Москве выявили много общих подходов к пониманию этнического феномена, роли интеллектуалов, средств массовой информации, системы образования в формировании этничности. И тогда же мы солидаризировались с теми, кто считает, «что обстоятельный анализ требует интеграции всех этих подходов». Речь идет о субстанционалистской, эссенциалистской, отологической, примордиалистской, с одной стороны, и конструктивистской, инструменталистской парадигмах — с другой.

Анализируя роль интеллектуалов, профессионалов в конструировании национализма в книге «Этничность и власть в политических государствах» (отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994), автор этой статьи еще раз подтвердила солидаризацию с интегрированным подходом [20]. Это было продиктовано осознанием того, что обе крайности имеют деструктивный характер: конструктивизм, интерпретирующий мир как результат деятельности «этнических манипуляторов», героев, творящих события и игнорирующих значимость социальных структур, и структурализм, недооценивающий роль активного социального фактора.

Понимая причины популяризации конструктивизма в нашей стране после открытых этнических вызовов и распада СССР, мы всегда считали интерпретацию его многими этнологами и политологами упрощенной. То, что было освоено и даже вошло в политическую практику (имеется в виду поиски авторов этнической мобилизации), касалось именно «политического конструктивизма» [21]. Сама концепция конструктивизма намного сложнее и более открыта. В этом нас еще раз убеждает интервью профессора Томаса Лукмана «Журналу социологии и социальной антропологии», в котором он сказал,

что Питер Бергер, его соавтор по книге «Социальное конструирование реальности», которую часто приводят как пример конструктивистской концепции, «не является конструктивистом. Особенно в том смысле, который нынче так распространен». Их концепция «избирательно и эклектично основывалась на идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида. Теоретическим обоснованием предложенного нами синтеза, — указывали авторы книги — является феноменология жизненного мира, разработанная Гуссерлем и Шютцем» [22].

Для А. Щютца: «Наблюдаемое поле social scientist, научная реальность, имеет специфические смысл и структуру соответствия для живущих, действующих и мыслящих в ней человеческих существ. Путем серии построений здравого смысла они предварительно отобрали и проинтерпретировали этот мир, который ими воспринимается как реальная повседневная жизнь. Именно эти мысленные объекты определяют их поведение, мотивируя его. Мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью, в своем социальном мире. Таким образом, конструкции социальных наук являются, так сказать, конструкциями второго порядка, конструкциями конструкций, созданных актерами на социальной сцене» [23]. П. Бурдые рассуждает об объективистском и субъективистском подходах и делает вывод: «...оба подхода... находятся в диалектической связи» [цит. по 10, с. 23-24]. Он называет этот синтезирующий подход «конструктивистским структурализмом», или структуралистским конструктивизмом. По П. Бергеру и Т. Лукману, социальный мир — сконструированная объективность, общество — *субъективная реальность*. Эта реальность интериоризирована личностью в процессе социализации. Она определяется авторами как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир, общество или отдельную его часть» [24, с. 213]. Первичной социализации в детстве при этом придается большое значение. Чаще всего исследователи и исследуемые отмечают роль языковой среды в семье. Это фиксировали даже радикальные конструктивисты (в частности, в проекте под руководством В.М. Воронкова [25]). Конструирование через обучение, действия СМИ, социальные ситуации, в которых этнически маркируется социальное пространство, происходит позже. В чем-то они могут изменить представления, ценности, поведение человека, но заложенное в детстве чаще всего в той или иной мере влияет на последующие восприятия.

Именно исходя из синтезирующего подхода этнополе понимается, с одной стороны, как часть социального пространства, подчеркнем, что это относительно устойчивая, подвижная, меняющаяся

часть, «конфигурация социокультурных процессов, практик (структура)», а с другой — как результат социального конструирования самими людьми, приобретающий характер структуры по отношению к входящим в этнополе индивидам [8, с. 159].

Предметом этносоциологии как раз и является изучение того, как и почему интеллектуальные конструкции превращаются в социальные конструкции, которые ориентируют поведение людей, деятельность социальных институтов. Если люди верят в то, что существуют народы, их культура, ценности, историческое прошлое, то свое поведение они так или иначе строят в увязке с этими представлениями.

Еще задолго до жарких споров между субстанционалистами и конструктивистами в социологии была известна теперь широко применяемая «теорема Томаса». В начале XX века У. Томас и Ф. Знанецкий, написавшие классическую работу «Польский крестьянин в Европе и Америке», которых стали считать родоначальниками этносоциологии на Западе, зафиксировали: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям» [26]. Большинство людей сохраняют представление, что народы существуют как этнокультурные общности; соответствующим образом эти люди себя и идентифицируют. Социологическими исследованиями в различных проектах фиксировалось, что идентификация с этнической общностью является одной из достаточно устойчивых и массовых идентичностей [27, 28].

В.А. Тишков писал, что Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева интерпретируют этническую идентичность «как неотъемлемую психологическую часть “я”, а ее изменение — как неестественное и навязанное человеку» (психокультурная интерпретация этничности в рамках примордиализма) [7, с. 30]. Удивительно, что В.А. Тишков, внимательно следивший за нашими работами, не заметил, что именно этносоциологи, изучая этническую идентичность, стремились уйти от навязывания, провоцирования этничности. В проекте «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов»³ для изучения уровня этнической идентичности мы использовали тест Куна — Макпартленда: интервьюируемого просят ответить на вопрос «Кто я?», совсем не упоминая об этнической идентичности. На репрезентативных выборках нами установлено, что, как правило, этническая идентичность не является первостепенной, она уступает так называемым базовым идентичностям (отец, мать, дочь, сын, мужчина, женщина, профессия и т. п.). Мы обращали внимание на то, что этническая идентичность актуализируется в сложных, этноконфликтных ситуациях. Например,

³ Проект реализован в 1993–1996 гг., руководитель — Л.М. Дробижева.

она была выше у осетин и русских в Северной Осетии после вооруженных столкновений с ингушами. Чем этот вывод отличается от того, что пишут исследователи, причисляющие себя к последовательным конструктивистам: «Достаточно понимания этничности как частичной идентичности, которая вместе с другими частичными идентичностями связана с определенным ролевым регулятором» [29]?

Изучая распространенность и интенсивность этнической идентичности (допускается, что она может быть высокой, средней, низкой или вообще отсутствовать), мы задавали тот же вопрос, что использовался в опросах Института социологии РАН под руководством В.А. Ядова, В.А. Мансурова: про кого человек мог бы сказать «это — мы». Вариант ответа «люди моей национальности» «паковался» среди других, очевидно значимых идентичностей: «люди моего поколения», «люди того же достатка, как и я» и т. п. Ответы на этот вопрос фиксировали, что большинство людей иногда или часто идентифицируют себя с людьми той же, что и сами, национальности. Но встречались и люди, которые не имели такой идентификации. *Никогда об этнической идентичности как неотъемлемой части «я» этносоциологи не писали. А ее изменение в зависимости от социально-политической ситуации, напряжений, конфликтности, возможности социальной мобильности, участия во власти как раз фиксировали* [27, 30, 31]. Ю.В. Арутюнян, исследуя армян в разных этноконтактных средах, показывал динамичную этничность людей именно в зависимости от места проживания, длительности жизни в иной этнической обстановке, социальной среды общения [32]. И его выводы (не термины, не понятия, а социально значимые выводы) совпадают с тем, что описывает Йоханес Ангермюллер, проанализировавший результаты проблемно-ориентированных интервью с армянами в Санкт-Петербурге, собранных командой В.М. Воронкова.

Конструкторы или деконструкторы этничности фиксируют внимание на меняющихся представлениях о группе, на дрейфе идентичности [13, с. 120-123]. Этносоциологи как раз изучают, почему конструируется или деконструируется этничность, кто и в чьих интересах это делает. Какие идеологемы в сознание людей встраивают элиты, представляющие интересы федерального центра и позиционирующие себя как выразители интересов этнически ориентированных групп. Причинно-следственные связи этого процесса есть предмет наших исследований.

В методологическом отношении различие между конструктивистами и сторонниками структуралистско-конструктивистского, или полипарадигмального подходов состоит в том, что конструктивисты, не желая придавать значение потребностям, интересам этнических групп, вместе с тем заключают, что они «обладают чувством солидарности» [13, с. 60]. Но на чем же тогда может быть основана эта солидарность?

Если делать акцент на представлении об этнической группе как общности, существующей на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях (не только «другими» этническими общностями, но и государственными или надгосударственными образованиями [13, с. 115], — например, СНГ, Европейский Союз и др.), то трудно понять, как этнические группы могли бы существовать, не ощущая потребности в безопасности, самореализации, защите своего достоинства.

Если ввести соотношение «мы» (этническая группа) — «они» (неэтнические общности), то становится более очевидно, что сопоставление (не обязательно противопоставление) может осуществляться именно с помощью осознания потребностей, интересов. Мы проявляем лояльность по отношению к государству или еще более широкому образованию, если понимаем, что оно защищает наши интересы, обеспечивает безопасность, развитие. Это касается и личности, и групп — этнических или других коалиций. Естественно, речь идет не о номинальных статических группах и даже не всех тех, кто составляет сетевое сообщество, а о той его части, которая социальные, экономические и политические интересы этнически маркирует. Это, например, те якуты, которые считают, что республика должна принимать участие в распоряжении ресурсами, ибо доходы от них могут быть использованы для развития инфраструктуры, образования. Их мнение разделяют и русские, проживающие в республике (по результатам наших и других исследований в Саха-Якутии такое мнение поддерживается большей частью населения). Это часть русских в России, которая переживает как травму распад Союза, хотя совсем не все из них готовы посылать своих мужей, сыновей, братьев воевать за Крым или другие территории, входившие в СССР.

Радикальные конструктивисты, на наш взгляд, проявляют излишнюю эмоциональность, возможно, связанную с политической ситуацией [13, с. 126], когда обрушиваются на «структуралистскую оппозицию» «мы — они» как «один из постулатов примордиалистской трактовки» этничности. Стоит ли ратовать за состязательную и множественную природу идентичности [13, с. 116] тогда, когда эта идея фактически давно принята социологами на основе символического интеракционизма и теории ролей (Р. Тернер, Х. Беккер и др.), синтезированных И. Гофманом [33]. Но ведь и сконструированные множественные и вообразаемые «мы» появляются через «другие», «они». Вопрос, как интерпретировать эти оппозиции. Действительно важно подчеркнуть, что они совсем не обязательно враждебные.

Нельзя согласиться и с тем, что изучение «этнических стереотипов» — попытка некой консервации этничности. Для этнопсихологов и этносоциологов — это лишь один из способов изучать ха-

рактен отношений людей разной этнической принадлежности и состояния идентичности. Как еще задолго до начала вооруженного конфликта армян и азербайджанцев этносоциологи и этнопсихологи обнаруживали напряжение, способное перерасти в конфликтность? Фиксировалось оно, кроме прочих признаков, и через характер авто- и гетеростереотипов. Армяне «отказывали» азербайджанцам в деловых и интеллектуальных качествах. Азербайджанцы намного ниже оценивали присутствие этих качеств у армян. Взаимные негативные приписывания «зашкаливали» в сравнении с данными по другим регионам страны⁴.

Почему этносоциологи могли давать совсем другие оценки миграционному поведению русских в республиках Прибалтики, когда многие политологи и политики «трубили отходные марши»? Мы знали, что 67% русских в Эстонии, например, это уже люди, родившиеся в республике. Но, кроме того, исследования характера межэтнических отношений, в том числе через этнические стереотипы, показывали: русские высоко оценивали деловые, интеллектуальные качества эстонцев, а эстонцы признавали деловые способности русских. Русским здесь легче было принять иную позицию, чем позиция «старшего брата», нежели, например, в Узбекистане, Киргизии, откуда и пошел основной поток мигрантов. Так что вопросы «к подобной широко распространенной методологии» у В.А. Тишкова, на наш взгляд, нередко возникают из-за недостатка осведомленности. Собственно, та методика, против которой выступает Валерий Александрович Тишков, чтобы доказать ситуативность, а в каких-то случаях размытость этнической идентичности и даже ее незначимость, как раз и направлена на выявление этих состояний. А вот против чего мы должны совместно выступить, так это навешивание на классификационные конструкции особых психических или духовных качеств, приписываний менталитета, национального характера [17, с. 171].

Во многом методологические споры, приписывания или даже порой «прописывания» исследователей по направлениям связаны с политической заданностью или собственной диспозицией авторов. Для этого достаточно посмотреть, как распределились ученые в своем выборе, заключающемся в признании или отрицании коллективного права культурных групп участвовать в принятии решений.

Политика поощрения этнокультурного плюрализма чревата самыми тяжелыми результатами как для общества, так и для государства в случае России — считает последовательный конструктивист В. Воронков; В. Малахов признает эту точку зрения справедливой.

⁴ Сходную информацию по итогам исследования в конце 1970-х — 1980-е гг. получили Р. Карапетян, реализовавший проект под руководством Ю.В. Арутюняна, и затем Г.В. Старовойтова.

Негативной позиции придерживаются и другие исследователи из Санкт-Петербурга и Москвы — О. Бердникова, О. Паченков, В. Чешко.

В то же время в иных условиях модели «со-общественной демократии, построенной на распределении власти между этнолингвистическими группами», эффективны — делает вывод В.С. Малахов в работе «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ» [16, с. 8]. И сам же как опытный аналитик обращает внимание на то, что Э. Кисреев по материалам Дагестана (а разве Дагестан — не Россия?) надеется показать согласительный потенциал модели мультикультурализма и даже со-общественной демократии (consocietal democracy)⁵, а авторы И. Савин из Казахстана и А. Семенов из Эстонии, работая на материале русских и других меньшинств в этих государствах, обращаются к мультикультурному обществу как единственной альтернативе этнократии.

Возможность обсуждать вопросы методологии и методики представляется очень важной. Чем больше мы накапливаем нарратива и интерпретаций эмпирических исследований, тем очевиднее становятся и двойные стандарты диспутантов, и скрытые причины выбора ими методологий и исследовательских установок.

В то же время очевидно — многообразие общества, различные способы теоретического конструирования и факты социальной реальности ориентируют исследователей на то, чтобы необъяснимое с точки зрения одной концепции попытаться понять с иных позиций. Конечно, не все дискутируемые в методологии и методике вопросы изучения этнополя нами рассмотрены, а те, которые обозначены, требуют дальнейших обсуждений. Однако анализ методологических проблем может быть более эффективным, если мы сумеем делать это в увязке с социальной практикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские. Этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992. С. 51.
2. Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1972. С. 5.
3. *Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И.* О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии // Советская этнография. 1978. № 4. С. 25.
4. Социально-культурный облик советских наций: по материалам этносоциологического исследования / Автор программы и руководитель исследования, отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1986. С. 4.

⁵ Свою точку зрения на возможности и ограничения этой модели мы высказывали еще в работе 1996 года «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов» [31].

5. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 13.
6. Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 196–210.
7. Интервью с профессором В.А. Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4 (16).
8. Бурдые П. Начала. Choses Dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
9. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 26.
10. Ильин В. Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.
11. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
12. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
13. Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003.
14. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Аспект Пресс, 1999.
15. Сикевич З.В. Социология и психология межэтнических отношений. СПб: Издательство Михайлова В.А., 1999.
16. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.
17. Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002.
18. Релятивистская теория нации / Отв. ред. А.Г. Здравомыслов. М.: РНИС и НП, 1998.
19. Ценности и символы национального самосознания в условиях имеющегося общества. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. С. 10.
20. Дробижева Л. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в политических государствах / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 71.
21. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука, 1994. С. 41.
22. Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4. С. 7–8.
23. Schutz A. Sens commun et interprétations scientifique de l'action humaine // Le chercheur et le quotidien / Paris: Meridiens — Klincksieck, 1987.
24. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр, 1995. С. 213.
25. Ангермюллер Й. От национального патриотизма до этнического дальтонизма: армяне Санкт-Петербурга в биографической перспективе // Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб: ЦНСИ, 1998. С. 263, 268.
26. Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. Vol. 1. No. 4. Knopf, 1918. P. 79.

27. *Дробижева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2002. С. 220–221.
28. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. М.: Наука, 2003. С. 203, 205.
29. *Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские идентичности/конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб.: ЦНСИ, 1998. С. 13.
30. *Дробижева Л.М., Аклаев А.А., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. М.: Мысль, 1996.
31. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1999.
32. *Арутюнян Ю.В.* Армяне в Москве // Социологические исследования. 2001. № 9.
33. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2000.